

Встретить весну в поселке было его мечтой. далекой, несбыточной мечтой, за которой даже не бегут, а оставляют на полке, иногда очищая воспоминанием от скопившейся пыли.

Маленьким он знал, что в поселок после зимы нельзя ехать раньше, чем туда на своем стареньком «жигулёнке» поедет дед. «На разведку» — называла его походы бабушка. Дед оставался на парудней, протапливая дом и расчищая участок, возвращался всегда повеселевший, подмигивал Валерке: «Скоро поедем». С его возвращения и приходила настоящая весна. Но чем старше становился Валерка, тем позднее она начиналась — дед болел и засиживался в городе почти до майских праздников, но все равно вся семья терпеливо ждала его «экспедицию».

В старших классах, когда Валерка к мечте своей поостыл, весна наступала для него с цветочных ларьков и сборищ в городских дворах, а в институте за учебниками и лекциями он и лето едва разглядывал, долго шурясь. Когда же и институт для него кончился, то завод, на который он устроился скорее потому, что так было положено, пропыхтел своими трубами всю зиму, а к

весне отправил своих обитателей в бессрочный отпуск. В их городе работы было не найти, и в конце марта Валерка с матерью приехали в поселок. Так осуществилась его мечта, хотя даже спустя две недели он слабо в это верил.

По ночам их небольшой летний домик промерзал полами, и с утра бежать босиком по ним было колко, холодно и приятно. Приятно было колоть дрова для печи и по несколько раз носить их в ведре, раскладывая на кухонном полу, чтобы они, пролежавшие всю зиму в сырости, просохли, ездить за водой на колонку на велосипеде или брести туда пешком, цепляясь языком с говорливым, в прошлом «сидевшим», охранником, вечно все обо всех знавшим, да и ездить за продуктами в соседний поселок на дедовской машине — он только успел получить права — тоже было весело. Свободного времени было много — Валерка подлатал деревянные ворота на футбольном поле, где когда-то собиралась их подростковая компания, в большей степени отдавая дань прошлому: ребята перестали приезжать.

Впервые за десять лет свобода лежала перед Валеркой, сверкая на робком апрельском солнышке, — бери, вся твоя. Он черпал ее горстями и пил, пил, захлебываясь, и никак не мог ей напиться. А когда наконец открыл глаза, не спуская с лица глуповатой улыбки, то увидел свою первую детскую любовь, с интересом наблюдавшую за ним.

Когда-то, классе, наверное, в четвертом, Леся ему очень нравилась. Среди всей ватаги ребятишек, свезенных в поселок на лето, она — крепенькая белокурая девчонка с вечно серьезными глазами — выделялась мало, но Валерку не переставала удивлять чуткость ее маленькой детской души. Леся была неиссякаемо добра. В то время как другие ребята ходили на рыбалку, строили дом на деревьях и играли в футбол на лесной поляне, она, не выбиваясь из общей компании, находила время пристраивать среди приезжавших на выходные «городских» щедро плодовитых деревней бездомных котят и щенят. А как-то раз притащила приехавшему на дачу отдохнуть ветеринару воробья с переломанным крылом. В сумерках на ее участок приходили отведать кошачьего корма ежи. Пойманные дома пауки и букашки, названия которых никто не знал, — часто бывавший в гостях Валерка не раз становился тому свидетелем — аккуратно переносились в растущий у крыльца цветник. Какой именно случай зажег в нем огонь первой детской любви, Валерка не знал, ловя себя на мысли, что Леся нравится ему уже давно. Раз за разом, добываясь расположения, он отмечал её спокойное удовольствие от ухаживаний. Валерке позволяли любить.

В то лето поцеловались они только раз — совсем не так, как Валерке об этом думалось. Они стояли у родника втроем — Валерка, Леся, их товарищ — шутили о чем-то. На мгновение Валерка отошел за дерево ответить на мамин звонок — вроде бы и недалеко, но чтобы никто не слышал, о чем он говорит. А когда вернулся, Леся сказала тихо: «Ну, давай». «Что — давай?» — не понял он. «Ты же меня поцеловать хотел. Давай...» — спокойно повторила она. Валерка опешил. «Да, давай», — заторопился он и, закрыв глаза, ткнулся в приоткрытые Лесины губы. Леся отстранилась, наградив легкой улыбкой: «Мне домой пора», — и укатила на

велосипеде, оставив ребят в одиночестве. «А что это было-то?» — спросил недоуменный Валерка. «Я сказал ей, ты поцеловать хочешь», — просто ответил приятель.

Все лето они провели втроем, отдаляясь от шумной ватаги. Временами Валерке казалось, что Лесе приятель тоже нравится, но спрашивать напрямую было бесполезно. Перед самым сентябрем он просил, чтобы потом, когда города снова разведут их, она написала ему о своих чувствах. Не отходил от телефона, ждал. И дождался. Вечером второго сентября пришло эсэмэс: «Я не буду с тобой встречаться».

Неделю он тосковал. Но, твердо решив, что им надо объясниться, назанимал денег и хотел уже ехать к ней в город, не зная адреса, надеясь случайно встретить, да по дороге к магазину его окликнула Лесина мать, уговорившая никуда не ехать. «Учись хорошо, привезу ее весной», — пообещала веселая женщина. Пообещала и забыла. А он с головой окунулся в учебу, и на следующее лето, вернувшись из города, каждый день хватал велосипед и как бы ненароком проезжал мимо ее дома с неизменным вопросом: «А Леся выйдет?» Проезжал, крутя в горку педали, ранним солнечным утром, едва ее мать появлялась на крыльце, заспанно потягиваясь новому дню. Проезжал и в дождь, когда ее отец не спеша курил на деревянном крылечке, получая неизменный ответ: «Не приехала». Не приехала Леся и через год. Даже родители ее стали бывать в поселке по редким праздникам, и дом стоял одинокий и пустой, похожий на Валеркину душу.

...И вот Леся стояла перед ним, почти не изменившаяся за эту вечность. Да, теперь это была взрослая девушка, стройная, загорелая, с татуировкой на руке. Что-то новое, чужое, насмешливое читалось во взгляде. Но в остальном это была всё та же Леся. Те же густые, завивающиеся на концах русые волосы, тот же низкий бархатный голос:

— Какие люди!

— И вам не хворать, — ответил он первое, что пришло на ум, — надолго к нам?

— Сейчас расскажу, только в магазин зайдем. — На Лесиних щеках играл едва заметный румянец легкого смущения.

Купив тех же, что и в далекие годы, семечек, пошли на сложенные друг на друга вдоль железнодорожного пути рельсы, между шпалами которых проросли маленькие березки. Леся говорила медленно, кусая губы и неохотно вспоминая — хотя он об этом не спрашивал — то про первую школьную любовь, то про вторую, не менее серьезную, за которой последовала поездка в Корею. «Но это не было связано», — быстро проговорила она, бросив на него настоженный взгляд: не смеется ли? Но Валерка был серьезен. В Корее училась на переводчика, снимала квартиру, давала частные уроки. Сбиралась замуж, но парня забрали в армию, и он попросил не ждать его. Стали возникать трудности с деньгами.

Проходило время, жизнь в Корее теряла смысл. Не найдя себя, Леся вернулась домой. Устроилась стюардессой на внутренних рейсах, но компания обанкротилась, совсем как Валеркин завод. Она жила теперь в поселке, надеясь, что все как-нибудь устроится...

Говорили до сумерек, о Валерке, о детстве, о чем-то еще, когда-то важном и невозможно далеком. Леся спрашивала о ребятах из их компании, о том самом товарище, с которым они стояли тогда у родника. Валерка ни о ком ничего не знал и отвечал односложно: «нет», «не приезжал», «давно не общаемся». По слухам — главному источнику деревенских новостей — все они жили и работали в Лесином городе, но город большой: и захочешь — не встретишь. Может, бывали прошлым летом на выходных, но не смогли, не захотели. «Мы все изменились, — вздохнула Леся, — в нас осталось так мало прежнего». Валерка возразил. Может, и изменились, но неужели так трудно хотя бы раз за лето заехать, поздороваться, поговорить? Столько лет в одной компании...

— Мама говорила, ты меня ждал, — оборвала нить размышлений об изменчивости жизни Леся, — так мило...

Она смотрела вдаль, на исчезающий за горизонтом огненный диск, и Валерка подумал о том, что невольно упрекнул в предательстве и ее.

— Было такое, — ответил он, смутившись.

Леся изменилась, он еще не мог понять — в чем, но уже чувствовал откуда-то взявшуюся тоску.

— Пойдем ко мне, — из Лесиного рта выввалось тонкое облачко пара, — чаю попьем. Там сейчас никого. Родители только завтра придут.

В подтверждение своих слов Леся легко прыгнула с рельсов и пошла к дороге, стараясь не запнуться в темноте. Он поспешил следом. Заговорили о планах на будущее. Валерка думал через месяц вернуться в город — искать работу. Леся в ответ кивала.

— Ты мог бы искать в моем городе, — задумчиво проговорила она, не глядя на Валерку.

— А жить в общежитии, — усмехнулся он.

— Жить можно у меня, — все так же спокойно предложила Леся, — мне от бабушки квартира досталась, но одной... бывает скучно.

Валерка остановился. Леся стояла рядом — темный силуэт, тайна и мечта.

— Ты серьезно? — спросил тихо.

— Ну, ты же ждал, — ответила ему, — вот и дождался.

Всю дорогу до дома они говорили не замолкая. Лишь раз его кольнуло где-то под сердцем. Почему так просто? Десять лет тишины — и вот теперь почти случайно...

Поравнялись с забором. Леся откинула щеколду и, скрипнув калиткой, скрылась в темноте сада.

Валерка обернулся на дорогу. Вспомнил, как каждые выходные, в дождь и в жару, скрипел тут его старенький велосипед. «А Леся выйдет?» — спросил негромко, улыбнулся и шагнул во мрак. Осторожно ступая, обходя очертания цветников, поднялся на освещаемое льющим из деревянных окон светом веранды крыльцо. Постоял немного, облокотившись о деревянные с потрескавшейся краской поручни, вспоминая, как курил здесь Лесин отец, и вошел в дом.

Веранда ослепила его. Валерка замер на пороге, глядя в обстановку. Здесь всё оставалось по-прежнему: тот же большой деревянный стол в центре комнаты, накрытый клеенкой, с собранным пару дней назад букетом свежих одуванчиков в высоком стакане. По бокам от стола стояли две длинные лавки, в углу комнаты, как и много лет назад, ютились деревянные ящики над столешницей и плитой. Валерка силился вспомнить, когда он был здесь в последний раз, но не мог, и сто-

ял на пороге, нелепо шурясь. Леся поняла его медлительность по-своему. По-хозяйски распорядилась:

— Проходи, садись вот тут, — указала на стул, — можешь не разуваться.

Валерка кивнул, но вместо стула выбрал длинную деревянную лавку, стоящую вдоль стены. Леся поставила на стол две кружки, от которых шел густой, пахнущий мятой пар, и села напротив.

— У тебя на завтра есть планы?

— Не знаю, — Валерка смутился, — можем на речку сходить. Там у заводи еще прошлым летом аисты поселились.

— Можем, — неохотно согласилась Леся, — только сначала надо дровник починить, он с осени течет. Поможешь?

— Угу, — Валерка кивнул. — Инструменты есть?

— У отца есть, наверное, — предположила Леся, — надо в сарае посмотреть. Вообще, с дровником много работы?

Валерка пожал плечами:

— Часа два, если инструмент есть. Но потом — аисты.

— Аисты, — вздохнула Леся, — ты каждый год только здесь и был?

— Ну да, — не понял Валерка, — не в городе же торчать.

— А я на море была, — мечтательно произнесла Леся, — дельфинов видела. Сейчас покажу. Да блин! — с раздражением вскрикнула она.

С букета на Лесин телефон спикировала божья коровка и теперь ползала по нему, перебирая маленькими лапками и заставляя Валерку косить взглядом. Быстрым движением Леся смахнула божью коровку с телефона, прижала пальцем к столу и, раздавив, протерла влажной салфеткой стол. Валерка замер.

— Ты чего? — спросил он дрогнувшим голосом. — Ты зачем?

— Да ну их, — Леся поморщилась, — мерзость.

— Лесь, да ты чего? — повторил Валерка, с болью глядя на Лесю. — Это же божья коровка. Божья, понимаешь?

— Нечего тут летать, — спокойно ответила девушка. — Мы дельфинов будем смотреть?

— Будем, — обреченно ответил парень.

Они проговорили еще почти час, и Валерка засобиравшись домой, обещая на следующий день прийти со своими инструментами. Уже стоя в дверях и услышав свое имя, он обернулся — теплые пухлые губы коснулись его губ, холодных и сухих. Что-то очень важное пронеслось и скользнуло по Валерке тенью — что-то, не имевшее к нему теперь никакого отношения.

...Он не спеша шел по поселку, хватая ртом прохладный весенний воздух. В мокрых от слез глазах все вокруг расплывалось, множилось, и ничего нельзя было разобрать на этом свете.

Павел САФОНОВ

родился в 1998 г. в Москве. Окончил МГТУ

имени Н. Э. Баумана. Пишет стихи и прозу.

Публиковался в сборниках и альманахах, в журнале «Север».

Финалист всероссийского конкурса «На благо Родины» (2024),

«Спасите пушкинский язык» и др. Лауреат конкурса «Северная

звезда» (2024) в номинациях «Поэзия» и «Проза». Участник

семинара-совещания молодых писателей

«Мы выросли в России — Сибирь» (Омск, 2024).

